

АМ, шести представителям многонационального Советского Союза — башкиру, грузину, литовцу, русскому, украинке и туркмену — выпала честь поехать в составе парламентской делегации Верховного Совета СССР в Сьерра-Леоне — нанести ответный визит в страну, которая свыше полтора десятилетия была колонией Великобритании.

До 1961 года, до провозглашения независимости, Сьерра-Леоне была «запретной зоной» для советских граждан: колониальные власти не могли допустить, чтобы советский ученый, журналист или даже просто рыбак мог заглянуть за тяжелый занавес, скрывающий от посторонних взоров колониальный «рай».

Зато именно правительство страны Советов одним из первых признало Сьерра-Леоне как суверенное африканское государство.

К вечеру, перед заходом солнца, наш лайнер садится на дорожку аэродрома близ Фритауна. Наконец мы на сьерра-леонской земле. Увлекаемые новыми друзьями, спешим к пристани. Там, за широким заливом, приветливо сверкает огоньками столица.

Фритаун — столица Сьерра-Леоне — в переводе означает свободный город. Какой горькой иронией звучало это слово на протяжении веков. Свободный — для работорговцев, колонизаторов, для белых; город слез, горя, страданий — для истинных хозяев страны.

Сотни лет уходили из Фритауна и других пунктов страны караваны кораблей с ценнейшей древесиной, фруктами, пальмовым маслом, копррой, слоновой костью, алмазами.

В городе, где живет свыше ста тысяч жителей, плохо с водоснабжением, канализацией, ощущается острый недостаток электроэнергии. Вечерами многие улицы освещаются лишь масляными коптилками уличных торговцев. Прямо на тротуарах до глухой ночи они продают апельсины, бананы, жареную рыбу, густо наперченный рис, орехи кола.

Фритаун — город контрастов. Универсальные магазины с кричащими витринами и уличные разносчики, весь «товар» которых уместается на одном подносе; сверкающие лаком суперавтомобили и вереницы носильщиков: с тяжелыми ношами на головах эти люди снуют по узким улочкам, лавируя, словно цирковые артисты. Модные европейские костюмы и ярко-красочные национальные одеяния, а то и просто узкая набедренная повязка. Многоэтаж-

ное здание банка из бетона и стекла, а рядом глиняная мазанка, в которой вся утварь — тростниковая циновка и несколько мисок.

Нас поместили в недавно построенную гостиницу «Парамоунт». Владелец ее, высокий сухой англичанин, заметно преуспевает, рядом уже растет второй корпус отеля. Почти все продукты — мясо, молоко, мука, вина, овощи и даже фрукты — привозятся из Европы и, несмотря на огромное расстояние, большие транспортные расходы, с хорошими процентами реализуются здесь. Номера стандартные, все экономно до мелочей. Широкий скрипучий диван-кровать, 40-ваттная настольная лампа, простой стул и стол, сомнительной чистоты серо-желтое постельное белье и гудящий, как самолетная турбина, эйркондишн. Включишь его — шумно, выключишь — жарко. Через несколько часов беспокойного сна убеждаешься, что жарко и душно лучше, чем шумно.

Утром официальные визиты спикеру парламента и генерал-губернатору.

Резиденция генерал-губернатора за высокой каменной стеной. Белое строение похуже на орудийную башню дредноута. Выше, на холме, темно-коричневое здание парламента. В круглом небольшом зале все, как в английском парламенте: скамья членов правительства, скамья оппозиции. За маленьким стулом спикера большое, резное, с коронной кресло генерал-губернатора, который представляет здесь власть английской королевы. Своим непропорционально большим размером это кресло как бы давит на весь парламентский зал.

С открытой площадки дворика хорошо виден Фритаун: бегущие в гору узкие улицы, широкая гладь залива, а за ним уходящая к самому горизонту темно-зеленая лента тропических лесов. На вершине холмов вдоль всего побережья стояли ранние сторожевые башни. Вот и здесь, рядом с парламентом, высится некогда грозная башня, построенная англичанами в период войны с Наполеоном. Англичане боялись, что французы отберут их добычу. Сейчас сьерра-леонцы нашли хорошее применение этому бастиону: башня используется как обычная водонапорная; сюда скоро придет вода из строящегося водохранилища.

Едем посмотреть эту стройку. Молодой рабочий-бульдозерист говорит: «За 150 лет англичане не могли дать городу воду, для себя им хватало, а вот сейчас нам приходится сооружать водопровод нам». Осматриваем плотину. Она строится уже пять лет. Такие темпы для нас непривычны. Инженеры шают тропические дожди. С этим доводом трудно устроить технические средства, перейти на двух-трехрабочей силы более чем достаточно, тем более, что жатие плечами, видимо, фирма не очень-то спешит. Размер водохранилища проектирован без учета роста горда. Через несколько лет перед городом опять остро встанет проблема воды. Но фирму это не смущает. Можно будет вновь заключить контракт и заработать миллионы фунтов стерлингов.

Невольно вспоминаешь беседу с премьер-министром Альбертом Маргаи, мужественным, энергичным человеком. Он проявлял особую заботу о дорожном, транспортном строительстве. Говоря об одной из железных дорог страны, премьер сказал: «Как она построена! Самая узкая колея, другой такой в мире нет! Поэтому трудно достать подвижной состав. Да к тому же она самая кривая дорога на земле. Капиталисту было выгодно проложить как можно больше километров пути. Ему барыш, а нам мука. Дешевле построить новую дорогу, чем переделывать старую».

Во время ленча с нами за столом сидел англичанин, занимающий здесь пост технического советника и получающий очень высокий оклад. В своих разглагольствованиях он выболтал заветные мысли колонизатора, что, мол, африканцам, чернокожим, цивилизация не нужна. Счастье для них — полудиккий образ жизни, общение с природой. Не стоит навязывать им культуру. Культура для африканцев — только обуза...

Один из наших друзей сьерра-леонцев позднее сказал:

— К сожалению, так думает не один он, а все, кто приезжает в Африку, чтобы вывезти отсюда побольше фунтов, кто смотрит на нашу страну как на колонию, а нас считает полудикарями. Спорить с колонизаторами — напрасная трата времени. Мы, сьерра-леонцы, хорошо знаем, что только ваша страна, Советский Союз, ваши люди — наши друзья, искренне желающие нам достигнуть экономического и культурного прогресса.

Прием в честь советской делегации был организован в здании парламента. Спикер и другие высокопоставленные лица встретили нас радушно. Дипломатический корпус, депутаты парламента, деловые люди, работники прессы, мужчины и женщины, сдержанные и веселые, застенчивые и откровенные — сколько разных лиц и выражений! Но не было хмурых и равнодушных. Ведь это была первая правительственная делегация из далекой страны, о которой так много говорят, порой самого невероятного.

Особым вниманием пользуется депутат Верховного Совета СССР Анастасия Гордеевна Нсжа. Она врач. Женщина-врач — это замечательно. В Сьерра-Леоне, к сожалению, очень, очень мало врачей, тем более женщин. Мы, мужчины, не ревнуем. Нам приятно, что в составе делегации женщина-врач, член правительства — живое доказательство той свободы, тех больших гражданских прав, которыми пользуется наша советская женщина. Помню, какое удивление и восторг были на лицах студентов колледжа имени Маргаи, когда они услышали, что в нашей стране самое большое в мире количество врачей на тысячу жителей, самая низкая смертность и что около 80 процентов медицинского персонала — женщины.

С группой лиц на прием пришел премьер-министр Альберт Маргаи. Генерал-губернатор по случаю траурного дня в память умершей родственницы английской королевы не смог прибыть.

В оживленных беседах проходит прием. Многие хотят послушать наши впечатления о стране. Соби-

седники никак не могут представить, что у нас сейчас снег, удивляются размерам Советского Союза, тому, что в наших субтропиках тоже уже жарко и растут пальмы. Проявляется особый интерес к вопросам дальнейшего экономического и культурного сотрудничества между нашими странами. Отражая настроение многих сьерра-леонцев, премьер-министр публично на приеме заявил, что «правительство Сьерра-Леоне хочет установить с Советским Союзом такие хорошие отношения, подобных которых нет в мире».

Рано утром летим в Бо — центр южной провинции. Маленький четырехмоторный самолет ведет пожилой пилот англичанин, по всей вероятности, решивший поднакопить денег для будущих пенсионных лет. Иностранцы здесь получают в десятки раз больше, чем местные жители.

Самолет пересек зеленый залив, пошли плантации масличных, кокосовых пальм. Изредка виден стелющийся дым — крестьяне выжигают лес. С великим трудом отвоевывает крестьянин кусок земли у джунглей. Он должен вырвать непроходимые заросли, сжечь сучья, выкорчевать пни, провести воду с тем, чтобы посеять рис, кукурузу, посадить какаву, напоминающий наш картофель. Затем, через три-четыре года, когда земля истощится, готовить новый участок. И все вечно, под тропическим солнцем. Тяжелый, адский труд.

Вспомнил свою юность, когда мальчишкой приходилось до кровавых мозолей на руках тащить тяжелую деревянную соху за слабосильной, голодной лошадейкой, а урожай — посадишь мешок, два получишь. Давно это было, до коллективизации. А сейчас полтора миллиона тракторов, сотни тысяч комбайнов, не говоря уже о другой технике, работает на полях колхозов и совхозов. Вот что может сделать за несколько десятилетий свободный труд на свободной земле.

Под нами вьется железная дорога. Да, в самом деле, пожалуй, нет другой в мире такой извилистой. Дорога дает такие зигзаги, что диву даешься, как это паровоз может развернуться. Не удивительно, что чуть не ежедневно поезда сходят с рельсов.

Бо — маленький городок на 20—25 тысяч жителей. Олнотажные квадратные домики. Осматриваем местную больницу. Много больных желудочно-кишечными заболеваниями. Врач принимает в день десятки людей. Стране нужна серьезная медицинская помощь. Когда видишь сотни женщин с больными детьми, трудно сдержать свое возмущение лицемерием колонизаторов. Неужели из вывезенных миллионов фунтов стерлингов нельзя было толку потратить на подготовку медицинских кадров, на строительство хотя бы простейших лечебных учреждений? Восемь дантистов и несколько хирургов на два с половиной миллиона населения — таков колонизаторский «рай».

Миссионерская средняя школа. Преподаватели в белых сутанах — упитанные, краснощекие англичане. На десятки преподавателей лишь несколько выпускников. Хорошая, любознательная молодежь. О нашей стране имеет весьма смутное представление, шей стране имеет весьма смутные сведения, но, видимо, окольными путями кое-какие сведения о Советском Союзе доходят и сюда, минуя миссио-

встречает свое утро

нерские преграды. Космические спутники, наши космонавты разбивают навешенные буржуазной пропагандой лживые представления о государстве трудящихся. Ребята знают, что в Москве имеется институт имени Лумумбы, где учатся тысячи африканцев. В откровенных беседах молодые сьерра-леонцы высказывали желание поехать учиться в Москву.

Областной съезд кооператоров в городе Кенеме. Под длинным навесом на трибунах собралось несколько тысяч представителей сельских кооперативов. Кооператоры в красивых цеховых одеждах. Преобладает красный, желтый, синий цвет.

За последние годы кооперативное движение в Сьерра-Леоне получает широкое развитие. Все больше крестьян сбывает свою продукцию через кооперативы. Во Фритауне мы видели кооператив, который под одной крышей объединил домашних ткачей. Стали выше заработки, чем при работе в одиночку.

Но это только еще небольшие ростки нового. Все экономические выгоды, основанная промышленность в руках капиталистических фирм.

С большим вниманием были выслушаны отчетные доклады. Премьер-министр Альберт Маргаи под гром аплодисментов представил нас собранию. Характеризуя огромные успехи кооперативного строительства в нашей стране, Маргаи высказал пожелание, чтобы в Советский Союз поехала делегация кооператоров поучиться, как строить кооперативное хозяйство.

Премьер призывал укреплять кооперативное движение, бороться с перекупщиками, привлекать больше женщин к руководству кооперативами, заботиться о повышении качества продукции.

Нам была предоставлена возможность посетить одну из контор по покупке алмазов. По добыче алмазов Сьерра-Леоне занимает одно из первых мест в Африке, причем здесь алмазы более крупные, чем в других странах. По официальным данным, из страны вывозится ежегодно алмазов на 12—13 миллионов фунтов стерлингов. Правительство получает лишь небольшую часть доходов, а львиную долю присваивает английская компания «Консолидейтед Африкен селекшн траст».

Директор конторы высыпал на стол перед нами груды прозрачных, матовых, чуть-чуть розоватых и даже темных блестящих алмазов самой различной величины: от просяного зерна до маленького наперстка. Самый большой весил 70 каратов. В 1943 году был найден алмаз весом 530 каратов, а в 1945 году — 770 каратов, то есть более 150 граммов.

В жаркий день ходим по руднику в Марамте. От красной мелкой пыли, как пудры, мы стали похожи на индейцев. Инженеры-англичане любезно показывают технологический процесс. Добыча ведется открытым способом. Высокий уровень механизации. На экспорт направляется железный концентрат с обогащенных фабрик.

С вершины холма хорошо обзревается местность. В густой зелени проглядывают крыши vill административного персонала, виден плотно застроенный поселок рудокопов. Среди большой равнины одиноко стоят высокие холмы — это железная руда. Миллионы тонн металла, запасы на много, много лет.

Полдень. Пора обеда. Хотелось посмотреть рабочую столовую. Сопровождающие сказали, что столовая находится в другом помещении, вне нашего маршрута. Каково было наше удивление, ко-

гда мы совершенно случайно за стеной на задворках, обнаружили большое число рабочих, которые группами по 15 человек сидели на корточках вокруг черной железной миски и по очереди руками доставали из нее густую рисовую кашу. Несколько горстей рисовой каши за тяжелый труд металлурга! Рабочие, узнав, что мы из Советского Союза, обступили нас, крепко жали руки и просили передать привет нашим рабочим, тепло проводили до ворот, скандируя по-английски и по-русски: «Дружба, дружба!»

От Марампы до порта концентрат вывозится по частной железной дороге. Компания имеет только рудовозы и считает невыгодным держать пассажирские вагоны. Грустно смотреть, как вдоль железнодорожного полотна, по каменистой дороге, бредут под палящими лучами солнца люди с тяжелыми ношами, как медленно шагают женщины с грудными детьми за спиной, а мимо проносятся составы с рудой, добытой этими изнывающими от жары путниками.

Правительство проводит политику открытых дверей. Не будем спорить — хорошо это или плохо, но за последние годы построен ряд предприятий легкой и пищевой промышленности на средства правительства и местного капитала.

Дополнительно к капиталу английских и американских монополий привлекаются вложения швейцарских, голландских, израильских, японских, индийских, ливанских, итальянских и других капиталистических фирм. Мы видели фабрику трикотажных изделий, принадлежащую индийцу, мастерскую зонтиков, где хозяин из Гонконга, цементный завод, где директор израильтянин, родившийся в Херсоне.

Наперебой, не жалея красок, на шоссе на дорогах вывешивают рекламные щиты «Шелла», «Мехико», «Эссо», «Аджиба», убеждая купить бензин, масло. «Пейте лучшее пиво в мире «Стар!» — призывает реклама голландской фирмы. Компании, фирмы конкурируют, дерутся за покупателя. Но покупатель должен иметь работу и свободные деньги. К сожалению, рабочий Сьерра-Леоне получает значительно меньше, чем его собрат по труду в Англии и других странах. На десять фунтов в месяц много не купишь.

Почти 90 процентов населения Сьерра-Леоне занято сельским хозяйством. Несмотря на благоприятные условия — равнинный характер местности, обилие солнца, осадков, — условия, позволяющие выращивать по три-четыре урожая в год, сельскохозяйственных продуктов не хватает. Приходится ввозить рис, муку, мясо.

— В чем же дело? — спрашиваем мы своих друзей.

— За годы колонизации наше сельское хозяйство получило одностороннее развитие. Иностранцы рынок поощряли выращивание масличных культур, кокосовых пальм. Пальмовое масло — основной наш сельскохозяйственный экспорт. В центре страны хорошо растет рис, кукуруза, ямс и другие культуры. Реч у нас много. Но нужны большие средства на ирригацию, расчистку джунглей. Англичанам это было невыгодно. Рис по низким ценам они покупают в Бирме, Малайе. Вот крестьяне палкой да мотыгой и ковыряют землю. Правительство всячески поддерживает производство риса. Созданы государственные фермы по выращиванию пальм, кофейных и шоколадных деревьев. Мы крепко привязаны к иностранному рынку. Он нам диктует и цены, и что выращивать, — грустно закончил наш собеседник. — Ну, а если хотите посмотреть, что мо-

жет дать наша земля, поедете на опытную сельскохозяйственную станцию недалеко от Фритауна.

Опытная станция занимает площадь примерно в тысячу гектаров. Директор станции Альберт Корума — маленький, весьма энергичный человек, подвижный, как ртуть, настоящей знаток своего дела. Стройные ряды вечнозеленых, приземистых, похожих на огромные ананасы масличных пальм раскинулись на сотни гектаров. Земля тщательно возделана, на больших приствольных кругах — ни соринки. Черные, блестящие плоды, напоминающие исползную ягоду нашей ежевики, весом в десятки килограммов зреют у основания черешков веерных листьев пальм. Каждое дерево дает ежегодно 50 литров ароматного темно-оранжевого масла. Недалеко от административного здания роща гладкоствольных кокосовых пальм, кивающих высоко в небе своими зелеными зонтиками. С опаской ходишь под этими гигантами, а вдруг сверху слетит орешек — тогда капут. Но кокосовые орехи не падают, за ними приходится лазить на головокружительную высоту. Кокосовая пальма — это вкусный, освежающий сок, масло, ценная копра, мука, строительный материал, волокно.

— Четыре урожая кукурузы собирает опытная станция. Мы можем выращивать все, — говорит Корума. — Но мы должны иметь гарантию, что нашу продукцию будут покупать по стабильным ценам. Ведь, как вы знаете, приходится вырубать какао, кофейные, каучуковые плантации, когда иностранный рынок бойкотирует эти продукты, когда заставляет нас за бесценок продавать то, что мы с таким трудом производим.

С большим интересом осматриваем свиноводческую и птицеводческую фермы. Ведется большая селекционная работа, разрабатываются методы, рационалы применительно к местным условиям.

— Приходится начинать все сначала, — сокрушается Корума, — рецепты кормов, нормы содержания животных по литературным источникам рассчитаны на европейские или американские условия и нам не всегда подходят.

Быстро пролетели десять дней. Завершаются последние визиты. Сколько нового, интересного узнали мы о небольшой стране, о замечательном трудолюбивом народе! Неизгладимые впечатления остаются от встреч с молодежью, которая привлекает своей кипучей энергией, жаждой знаний, стремлением разобраться в политической обстановке.

Колледж имени Маргаи. Полный зал веселых юношей и девушек. Впереди чинно, настороженно сидят преподаватели, большинство из них англичане. Идет откровенный разговор. Сыплются вопросы самого разнообразного характера. Интересует все: политика Советского Союза по отношению к африканским странам, какие меры принимает СССР для борьбы с колониализмом, почему мы не поддерживаем войска ООН в Конго, какими правами пользуется женщина в Советском Союзе, как у нас решена национальная проблема, действительно ли в СССР осуществляется среднее обязательное образование и бесплатное обучение в школах и вузах, какое правительство было в нашей стране до Октябрьской революции, как народ управляет фабриками, заводами, есть ли в СССР иностранные компании, как происходят выборы органов власти и т. д. Откровенные, ясные ответы встречались бур-

ными аплодисментами. Они рассеивали ложь многих лет.

Мы посетили знаменитый, насчитывающий почти 150 лет своей истории университетский колледж «Фурабай». Современное здание библиотеки. Библиотекарь англичанин показывает полку книг о Советском Союзе. Тут и выброшенные волной революции белогвардейские писатели, и подонки из пропагандистских контор Геббельса и Мосли, и квазиученные, злобно клеветующие на марксизм.

— Ну, а где же библиотека книг, переданных в дар колледжу советским посольством?

Библиотекарь мучительно шарит по полкам, ищет в тайниках, затем смущенно улыбается и говорит в оправдание:

— Мы еще не успели обработать полученные книги.

Да, жаль, что полгода оказалось мало, чтобы студентам сьерра-леонцам дать правдивую информацию о нашей стране. Хотелось верить, что это только досадных эпизод. Мы убедились, что в этом сьерра-леонцы не виноваты. Многие просили больше присылать книг, литературы, кинофильмов о Советском Союзе.

епочтилел150

Торжественно проходит в здании парламента подписание коммюнике о пребывании нашей парламентской делегации в Сьерра-Леоне.

В сердечных беседах парламентарии обеих стран единодушно выразили свое стремление ко всеобщему миру и дружбе между народами, одобрили принципы мирного сосуществования государств с различными политическими и социальными системами, признали, что международные спорные вопросы следует разрешать путем переговоров. Парламентарии Сьерра-Леоне дали высокую оценку усилиям Советского Союза, направленным на сохранение и упрочение всеобщего мира, на смягчение международной напряженности.

Советские и сьерра-леонские парламентарии решительно выступают за быструю и окончательную ликвидацию колониализма, за полную поддержку народов, ведущих мужественную борьбу против империализма, за свою независимость.

Спикер палаты представителей, его заместитель, секретарь палаты и другие официальные лица сердечно нас поздравляют, просят передать слова дружбы Советскому правительству и народу.

Рано утром, когда город еще спит, выезжаем на аэродром. Колонна автомашин огибает центральную площадь, где высится могучее 50-метровой высоты хлопковое дерево — немой свидетель тяжелой истории сьерра-леонского народа. Этого гиганта называют деревом милосердия, справедливости. Под ним работают торговцы чинили суд и расправу над невольниками, оно слушало свист бича и стоны истязаемых, оно видело кровь и слезы. Легенда говорит, что под этим деревом забавлялись работорговцы, устраивая гонки рабов. Тот, кто спасаясь от погони, мог от берега моря добежать, не останавливаясь, до этого дерева, получал свободу. Но таких счастливых народ не помнит. Дерево дожило до радостных дней. Сейчас оно символ роста своей страны.

В туманной дымке остается за нами Фритаун. Сьерра-Леоне встречает свое утро.